

Joint marital property: an ideal framework or a conflict of interests?

T. M. Khaletskaya¹

¹Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-1-78-91

Research article
Full text in Russian

The legal framework for joint marital property, instituted during the Soviet period, has remained practically unchanged to this day. We consider that at the present stage there has arisen not only a need for a systematic and comprehensive study of joint property relations, but also for a reassessment of the approaches to their legal regulation. This can be attributed to several factors. Firstly, the very conception of the institutions of marriage and family is changing in our society (as demonstrated, for example, by the rising public interest in de facto marital relationships). Secondly, transformations are taking place in property relations as well (with new types of property emerging, the nature of which is not fully clear; an increasing number of family businesses are being established, whose stability is of considerable importance to the state; sources of income other than labour are appearing, etc.). Thirdly, the current framework for the legal regulation of marital property relations was originally established in economic and social circumstances that differ markedly from those of the present day. An increasing number of publications emphasize the need to bring this model up to date. In this regard, legal experts have strongly criticized the statutory general regime of joint marital property and proposed its replacement with a system of separate property for spouses. This, they argue, would provide a genuine guarantee for the protection of spouses' property rights and interests in the event of divorce or family property disputes, while also contributing to the strengthening of marital bonds. The aim of this article is to show that the contemporary legal framework governing marital property relations is rooted in a tension between joint and private interests. It may be assumed that a return to traditional family values and improvement in the demographic situation are attainable in those instances and contexts in which individuals maintain a clear outlook on the future, which includes their personal well-being. Accordingly, the state must aim to establish such conditions that would unlock the economic and productive capacities of both the individual and the family, and to construct a legal regime governing joint marital property in which the contradiction between joint and private interests is reduced to a minimum.

Keywords: marriage; joint marital property; private interests; joint interests

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Khaletskaya, Tatyana M.	E-mail: Tania80@rambler.ru
	ORCID iD: 0000-0002-0298-9890
	Cand. Sc. (Jurisprudence)

Funding: The Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (Contract G25-033)

Общая совместная собственность супругов: идеальная модель или конфликт интересов?

Т. М. Халецкая¹

¹Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-1-78-91

УДК 347.2/3

Научная статья

Полный текст на русском языке

Режим общей совместной собственности супругов, легализованный в законодательстве советского периода, практически не изменялся вплоть до настоящего времени. Полагаем, что на современном этапе назрела не только необходимость последовательного и комплексного изучения отношений совместной собственности, но и переосмысление подходов к правовому регулированию данных отношений. Причин этому несколько. Во-первых, в обществе меняется само понимание институтов брака и семьи (об этом, например, свидетельствует возрастающий в обществе интерес к фактическим брачным отношениям). Во-вторых, изменения происходят и в отношениях собственности (появляются объекты, природа которых не до конца ясна; создается все больше семейных предприятий, стабильность которых имеет немаловажное значение для государства; появляются иные, кроме трудовой деятельности, источники получения доходов и т. п.). В-третьих, существующая модель правового регулирования отношений супружеской собственности возникла в экономических и социальных условиях, кардинально отличающихся от современных. Все чаще в литературе высказывается мнение о необходимости актуализации этой модели. Правоведами активно критикуется установленный в законодательстве в качестве общего правила режим общности супружеского имущества и предлагается заменить его режимом раздельности имущества супругов, что позволит предоставить реальную гарантию охраны имущественных прав и интересов супругов на случай прекращения брака или возникновения имущественных конфликтов в семье, а также будет способствовать укреплению брачных союзов. В рамках настоящей статьи предпринята попытка показать, что в основе современного правового регулирования отношений собственности супругов лежит конфликт общих и частных интересов. Рискнем предположить, что возврат к традиционным семейным ценностям и улучшение демографической ситуации возможны там, где у людей есть ясная картина будущего, основанная в том числе на их личном материальном благополучии. В связи с этим государство должно стремиться к созданию условий для раскрытия экономического и производственного потенциала как отдельного человека, так и семьи, к построению модели правового регулирования отношений общей совместной собственности, в которой противоречие между индивидуальным и общим будут сведены к минимуму.

Ключевые слова: брак; общая совместная собственность; частные интересы; общие интересы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Халецкая, Татьяна
Михайловна

E-mail: Tania80@rambler.ru
ORCID iD: 0000-0002-0298-9890
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского
и хозяйственного права Института управленческих кадров

Финансирование: БРФФИ (договор № Г25-033 от 02.05.2025)

© ЯрГУ, 2026

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Отношения собственности в браке являются объектом постоянного и пристального внимания цивилистической доктрины, законодательства и правоприменительной практики. Результатом данной заинтересованности, имеющей как объективные, так и субъективные предпосылки, является изменчивость соответствующих теоретических и практических правовых позиций и решений, как близких по целям и смыслам, так и противоположных.

В научной литературе можно встретить утверждение о том, что конструкция общей собственности, известная еще римскому праву, с течением времени изменялась, становясь только лучше [1, с. 65]. Поскольку римскому праву была известна только общая собственность, при которой каждый из собственников являлся субъектом идеальной доли в праве на вещь [2, с. 400], то достижением правовой науки последующих периодов признается выделение видов общей собственности – общей долевой и общей совместной.

Одной из причин разграничения права общей собственности на виды стало стремление советского законодателя радикально пересмотреть прежние подходы к регулированию имущественных отношений между супругами, поскольку исторически развитие правового регулирования в данной сфере шло по пути закрепления принципа раздельности супружеского имущества. Именно такая концепция легла в основу Свода законов Российской Империи, работа над которым началась в 1826 г. В ст. 109 тома X, отд. 2 было установлено: «Бракомъ не составляется общаго владѣнія въ имуществѣ супруговъ; каждый изъ нихъ можетъ имѣть и вновь приобрѣтать отдѣльную свою собственность» [3].

Эффективность и разумность данного правила можно оценить, изучая мнения современников Свода законов. Так, на рубеже XIX – XX веков Г. Ф. Шершеневич писал: «Браком не составляется общего имущества супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную собственность <...>. Из принципа раздельности имущества вытекает возможность для каждого супруга распоряжаться своим имуществом прямо от своего имени, независимо друг от друга, и не спрашивая на то взаимного дозволения. Отсюда же следует, что, как самостоятельные субъекты, супруги могут вступать между собою во всевозможные сделки дарственного и возмездного свойства. Один супруг не отвечает своим имуществом за долги другого» [4, с. 278–279].

Цивилист Д. И. Мейер, живший в период действия Свода законов, подробно анализировал как само правило, так и цели его закрепления. Он отмечал, что в имущественном плане супруги «также чужды друг другу» как и «лица совершенно посторонние» [5, с. 731]. Вместе с тем ученый указывал, что муж и жена фактически сообща пользуются имуществом, не считая его раздельным, и зачастую говорят не «мой дом», «мои деньги», а «наш дом», «наши деньги». Это вызывает логичный вопрос: откуда же разлад между определениями законодательства о совершенном разъединении имущественных

прав супругов и понятиями относительно этого предмета, господствующими в действительности?[5, с. 731]. Если брак соответствует своей идее – «единение супругов духом и плотью», то имущественные конфликты не возникают, «супруги считают свое имущество общим и сообща употребляют его на удовлетворение потребностей» [5, с. 732]. Однако на практике означенный идеал брака далеко не всегда реализуется: «муж может предаваться кутежу или пускаться в разные аферы, проматывая этим как свое состояние, так и состояние супруги; жена может, «увлекаясь требованиями моды, роскоши», разорять своего мужа». Коль скоро такие ситуации отнюдь не редки, замечал Д. И. Мейер, то юридически закрепленный принцип раздельности имущества в браке «оказывается благодеянием со стороны законодательства» [5, с. 732]. При этом данный принцип, продолжал автор, «никак не препятствует супругам вместе пользоваться и распоряжаться имуществом, но «когда идея брака попирается в действительности, то, конечно, определения законодательства о разъединении имущества супругов получают применение». Именно желание защитить по возможности имущественные права и интересы каждого из супругов Д. И. Мейер называл причиной внедрения в российский закон и последующего сохранения идеи раздельности; автор подчеркивал, что для супругов нет никаких препятствий в заключении брачного договора, по которому все их имущество будет признано общим [5, с. 733].

При этом необходимо заметить, что следование некоторым компонентам принципа раздельности супружеского имущества в имперский период российского цивилистического законодательства выгодно отличало последнее от законодательных решений «просвещенной Европы», где не наблюдалось даже намека на имущественную, пусть и частичную, самостоятельность женщины. Некоторые признаки женской эмансипации просматривались и в российском законодательстве о наследовании, а также в сфере предпринимательства (истории известны яркие примеры означенной активности женщин, принадлежавших к самым различным социальным группам – дворянскому, купеческому, служивому сословиям, к старообрядцам и др.). Это создавало предпосылки, хотя и недостаточные, для будущего выравнивания правовых и фактических статусов женщины и мужчины [6].

Принцип раздельности супружеского имущества был закреплен и в послереволюционном законодательстве. Так, в Кодексе законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве 1918 г. в ст. 105 указывалось: «Брак не создает общности имущества супругов» [7]. Советские ученые отмечали, что данное правило имеет смысл, отличный от заложенного в этом правиле ранее, и было связано «с личным раскрепощением жены» [8, с. 150], поскольку «впервые в истории» она освободилась «от господства над ней мужа» [8, с. 150]. Как известно, идея гендерного равенства (в современной терминологии), в том числе в сфере брака и семьи, являлась одной из основополагающих для законодательства того перио-

да. При этом в юридической литературе постреволюционных лет подчеркивалось, что принцип раздельности супружеского имущества необходим лишь тогда, когда идет «революционная ломка старых устоев брака и семьи», создается и укрепляется новый тип семьи – «советская семья» [8, с. 150–151]; действующее ранее правило о раздельности супружеского имущества не соответствует «той общности жизни, интересов, стремлений, которая характеризует собой брак в социалистическом обществе» [9, с. 38]; правило общности имущества супругов подчинено выполнению одной из задач брачно-семейного законодательства – «построению в будущем семейных отношений на взаимных чувствах мужчины и женщины, свободных от материальных расчетов» [10, с. 97]. Как известно, предполагалось даже «раскрепощение семьи» от государственного вмешательства в целом, замена зарегистрированного брачного союза на фактический (как прообраз будущего коммунистического брака), что, впрочем, впоследствии не стало основой для советского и российского законодательства). Подобные заявления, по нашему мнению, отражали стремление дискредитировать дореволюционные устои и осуществить поиск принципиально нового семейного союза. При этом «советская семья» ничем принципиально не отличалась от семьи не советской. Это также были мужчина и женщина, вступающие в брак с целью совместного проживания, ведения общего быта, рождения и воспитания детей и т. п. и, как и в любой другой семье, в «советской семье» ожидания, связанные с браком, могли и не оправдаться. «Какими бы уникальными ни были отдельные семьи в разные эпохи, – отмечает Ф. С. Кандыба, – при различиях в строе жизни и культуре, взятые как первичные группы, они характеризуются одними и теми же свойствами своего возникновения и распада на протяжении их существования» [11, с. 92].

Тем не менее сначала советская судебная практика, а затем и законодатель меняют правило о раздельности супружеского имущества на диаметрально противоположное – правило общности супружеского имущества. Это объяснялось «необходимостью лучше обеспечить интересы женщины – домашней хозяйки» [12, с. 11], новый подход был призван «поддержать и защитить слабейшую в браке сторону» (такой стороной признавалась супруга), для которой правило о раздельности супружеского имущества влекло при расторжении брака несправедливые последствия, идущие «вразрез с основными задачами советского законодательства» [8, с. 151]. Это объяснение выглядит надуманным в свете того, что ст. 106 Кодекса 1918 г. защищала имущественные интересы обоих супругов, закрепляя: «соглашения между супругами, направленные к умалению имущественных прав жены или мужа, недействительны и не обязательны как для третьих лиц, так и для супругов, которым предоставляется в любой момент от их исполнения отказаться» [7].

С принятием в 1926 г. Кодекса законов о браке, семье и опеке в ст. 21 закрепляется правило: «Имущество, нажитое супругами во время брака совместным трудом, считается принадлежащим обоим супругам на нача-

лах общей собственности в равных долях» [13]. Именно оно было позднее воспринято современным законодательством и просуществовало в «гордом одиночестве» вплоть до 2004 года (до введения в действие первой части Гражданского кодекса РФ, существенно обновленной в связи с «веяниями» двухтысячных годов, реформированием российской экономической системы, а с нею – и цивилистической идеологии).

Оценивая сегодня столь радикальную смену законодательной позиции при регулировании отношений супружеской собственности, мы не можем согласиться с тем, что в основе этих изменений лежало нежелание выхолащивать из этих отношений «элементы дружбы, товарищества», нежелание «сводить их к сложным бухгалтерским расчетам» [9, с. 154]. Объединение супружеского имущества, полагаем, можно объяснить игнорированием института частной собственности, а также общим обнищанием населения и стремлением на законодательном уровне снять «накал страстей» с этой проблемы. Еще одну причину произошедшего упрощения правового регулирования отношений супружеской собственности Л. Б. Максимович видит в общем уравнительном подходе к регулированию имущественного положения всех советских граждан [14, с. 3–5]. Справедливость данного замечания подтверждается игнорированием советским законодателем такого инструмента регулирования имущественных отношений между супругами, как брачный договор. (Следует, впрочем, подчеркнуть, что данная конструкция в ее классическом, логически завершенном виде не была известна и российскому имперскому законодательству, хотя, разумеется, по иным причинам, обусловленным прежде всего религиозной сущностью супружества того времени).

В целом надо отметить, что какие бы причины ни лежали в основе выделения в рамках общей собственности совместной собственности супругов, эта идея прочно прижилась не только в законодательстве, но и в сознании людей [15]. И это несмотря на усложнение динамики гражданского оборота¹, происходящей сегодня под воздействием современных эволюционных процессов функционирования экономики², а также на те изменения, которые происходят в социальной сфере³. В современной литературе справедливо отмечается: «Практика демонстрирует непригодность правовых подходов к разделу имущества, традиционно применяющихся в ситуации изменения

¹ Чего только стоит появление всех этих новомодных объектов: искусственный интеллект и результаты его «труда», цифровые объекты, природу которых так сложно разгадать, корпоративные права и т. п.

² Например, если в советский период основным источником доходов граждан был их совместный труд, то на современном этапе им предоставлена возможность иметь доход не только от трудовой деятельности, но и от предпринимательской деятельности, а также иной деятельности, не запрещенной законодательством, получать пассивный доход от вкладов, ценных бумаг, передачи имущества по договорам аренды и найма и т. п.

³ При таком количестве женщин, занимающих руководящие посты в структурах различного уровня, идея о необходимости ее дополнительной защиты в связи с ее максимальной незащищенностью в браке, выглядит несколько устаревшей.

правового статуса супругов либо смерти одного из них» [14, с. 16]. Однако, судя по всему, законодатель пока не изыскал технологии, которая позволяла бы эффективно и справедливо балансировать между частным и публичным интересами в обсуждаемой сфере.

Соответственно, заложенное в конструкции совместной собственности противоборство коллективного и индивидуального начал остается серьезной проблемой. Общая собственность возникает в отношении вещи, которая признана неделимой законодательством или соглашением сторон, но при этом у каждого субъекта общей собственности есть свой личный интерес относительно этой вещи. Согласимся с утверждением Л. Бурхановой о том, что характерной тенденцией развития отношений собственности в современном мире является приобретение ею все более индивидуального характера [16, с. 3]. При этом области вещного и обязательственного постоянно обогащаются и усложняются новыми объектами правового регулирования – из корпоративных отношений, цифровых технологий и др.

Именно индивидуальная сущность частной собственности, по верному утверждению С. С. Алексеева, «дает ее субъекту наиболее широкие, общедозволительные права обладания и в этой связи способна оказывать на человека, на его волю и интересы мощное и многообразное воздействие. Такое воздействие, которое активизирует личность, ее творческий потенциал и таким путем приносит благо и самому человеку, и всему обществу» [17, с. 94].

Однако модель правового регулирования отношений общей совместной собственности супругов строится как раз на подавлении именно частных интересов. Примером тому служит правило, закрепленное в ст. 25 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), согласно которому вещи профессиональных занятий супругов являются их общей совместной собственностью (при этом решение вопроса о том, кому они останутся в случае расторжения брака, отдано на усмотрение суда) [18]. Аналогичную правовую позицию занимают и российские суды. При этом проблема заключается в том, что высшими судами обоих государств не обозначены хотя бы относительно ясные и конкретные критерии определения статуса и судьбы означенных объектов, что создает предпосылку для непозволительно широкой дискреции, превращающейся из блага, технологии, позволяющей обоснованно применить ситуационные нормы (кои в семейно-правовой сфере составляют большинство), в произвол, избыточное расширительное толкование нормативно-правовых диспозиций.

Комментируя положения ст. 23 КоБС, С. П. Соколов отмечает, что в состав общего совместного имущества супругов включаются в том числе и доходы супругов, а именно: «денежные вознаграждения за труд в государственном или частном секторе», «доходы от занятия предпринимательской деятельностью», а также другие доходы [19, с. 34]. В белорусской правовой литературе на основании содержания ст. 23 КоБС к совместному имуществу супругов предлагается относить любые выплаты, полученные одним из них

за личные достижения в разных сферах⁴. Так, рассматривая правовую природу призов и вознаграждений в спорте через призму брачно-семейных правоотношений, Т. Н. Пунько считает, что такие выплаты спортсменам и их тренерам следует признать дополнительным доходом от трудовой или предпринимательской деятельности, поскольку они не носят специального целевого назначения. Выплаты, подобные этим, следует включать в общую совместную собственность супругов, ибо они «призваны дополнить заработок, который являлся бы (является) общей собственностью супругов» [22].

Не разделяя мнения авторов, полагающих, что суммы, полученные в виде премий, не входящих в систему оплаты труда, следует относить к разделному имуществу, Н. В. Копыткова отмечает, что выдающиеся достижения в области науки, литературы и искусства являются обычным результатом трудовой деятельности и поэтому все денежные премии, выплаченные за подобные достижения, должны быть включены в общую собственность супругов. «С одной стороны, – пишет Н. В. Копыткова, – такую премию можно рассматривать как особый вид признания заслуг человека, обладающего особым талантом, позволившим достичь выдающихся результатов в области науки, техники, искусства и т. п., а с другой – получению подобного вознаграждения весьма способствовала семья, в первую очередь супруга, создавая благоприятные бытовые условия, зачастую, ограничивая свои личные интересы, взвалив на себя все заботы о семье» [23, с. 81]. Однако подобное утверждение вызывает сомнения: неясно, описывает ли автор ситуацию в какой-то конкретной семье и по какой причине предполагается, что поведение всех супружеских пар укладывается в единый шаблон, на основании которого делается вывод о включении денежных премий за заслуги одного из супругов в состав совместного имущества.

Осмелимся предположить, что в разных семьях быт организован по-разному и что далеко не всегда супруг, обладающий особыми талантами, устраняется от участия в семейной жизни ради достижения выдающихся результатов. Подобные подходы, на наш взгляд, игнорируют тот факт, что получение премиальных выплат связано, прежде всего, с личными качествами и заслугами конкретного человека. В основе персональной награды за особые личные качества или достижения, по справедливому замечанию

⁴ Свою точку зрения по данной проблеме мы неоднократно высказывали: Халецкая Т. М. Доходы супругов как объект общей совместной собственности // Право. Экономика. Социальное партнерство : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию УО Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Минск, 26 марта 2020 г.: в 2 ч. / Междунар. ун-т «МИТСО»; редкол.: В. В. Лосев (гл. ред.) [и др.]. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО, 2020. С. 656–658 [20]; Халецкая Т. М. Доходы супругов как объект общей совместной собственности // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Междунар. электрон. науч. журн.: Специальный выпуск: XIV Междунар. науч.-практ. конф., 12–13 ноября 2020 г., Вольский военный институт материального обеспечения, г. Вольск. 2020. С. 160–165 [21].

Н. В. Рабинович, лежит высококвалифицированный труд, но выдача награды и ее размер определяются исключительно выдающимися результатами деятельности и особыми достижениями высокоодаренных людей. Приобретенное благодаря личным заслугам должно быть признано собственностью награжденного [9, с. 51]. Добавим к этому то, что значимость отдельной личности и ее достижений для развития общества нельзя недооценивать; правовое государство, как верно отмечают А. В. Корпеев и В. В. Лазарев, «должно создавать гарантии для проявления и развития человеческого Духа, коль скоро личность является динамичным элементом истории, а общество – его статичным полем. Общественное развитие обеспечивается интеллектуальными усилиями критически мыслящих индивидуальностей, поэтому общество обрекает себя на стагнацию и застой, отрицая индивидуальность» [24]. Выравнивание последней под среднестатистический трафарет не соответствует и великому разнообразию сущностей и их проявлений в конкретных супружеских союзах.

Не способствует защите частных интересов отдельного собственника и закрепленная в п. 4 ст. 89 Жилищного кодекса Республики Беларусь невозможность выселения бывшего члена семьи (в т. ч. бывшего супруга), собственника приватизированного жилого помещения, проживавшего совместно с последним на момент приватизации, но не принявшего участия в приватизации⁵. (При этом нельзя игнорировать и факты непонимания вторым супругом правовых последствий приватизации – в случаях, когда жилище, по сути своей, являлось семейным. Данное обстоятельство необходимо прояснять сторонам супружеского союза при оформлении сделки.)

В п. 4 ст. 70 Кодекса Республики Беларусь о земле легализована возможность понуждения супруга (бывшего супруга) – собственника земельного участка к отчуждению доли в праве на земельный участок второму супругу (бывшему супругу). Такое понуждение возможно в ситуации, когда право собственности на земельный участок принадлежит одному из супругов, а расположенное на земельном участке недвижимое имущество было при-

⁵ В основе этого правила лежит предположение о том, что супруг, осуществивший приватизацию, оплачивал ее из общих средств. Но такие средства могли вноситься и из личных средств этого супруга (например, из дохода, который он получал от передачи по договору найма квартиры, принадлежащей только ему, из дохода от акций, которые он получил в порядке наследования и т. п.). Можно, конечно, порекомендовать супругу – собственнику жилого помещения отправиться в суд в попытке доказать оплату приватизации исключительно своими средствами, но его шансы на положительное решение суда будут небольшими. В итоге появления в ЖК данной нормы была создана парадоксальная ситуация: если бывшие супруги в описанной ситуации не достигли соглашения о выселении, то, с одной стороны, супруг – собственник жилого помещения получает ограничения реализации своих правомочий, с другой – становится весьма затруднительным оборот данного жилого помещения. Правило, закрепленное в п. 4 ст. 89 ЖК, вызывает и другой вопрос: если одной из задач государства является восстановление у населения интереса к институтам брака и семьи, то какова вероятность, что эти двое бывших супругов, проживая в жилом помещении одного из них, смогут «внести вклад в общее дело» и создать новые семьи?

обретено в период брака в общую собственность и разделено между бывшими супругами.

Именно частные интересы, «встроенные» в природу человека, приводят к желанию одного из супругов не допустить включение имущества, приобретенного в браке, в состав общего. И примеры тому можно найти в судебной практике. Так, при рассмотрении спора по иску П. к Ч1 и Ч2 Судом Минского района Минской области было установлено, что в период брака между П. и Ч2 супругами было принято решение о приобретении за счет общих средств земельного участка для строительства жилого дома для своей семьи. П. осуществил поиск земельного участка с размещенным на нем незавершенным законсервированным капитальным строением и договорился с продавцом о его приобретении. Однако, в силу сложившихся обстоятельств (у П. имелись некие судебные тяжбы, которые препятствовали оформлению на него имущества), П. пояснил продавцу, что покупателем имущества будет выступать его тесть (Ч1). Продавец в суде пояснил, что Ч1 он первый и последний раз увидел на совершении сделки, окончательный расчет с продавцом производил П. в автомобиле последнего (Ч1 при этом не присутствовал). В суде также было установлено, что, став титульным собственником земельного участка с расположенным на нем объектом недвижимости, Ч1 не интересовался разработкой проектной документации на строительство дома, не приобретал строительные материалы, не участвовал в заключении договора подряда, не интересовался ходом строительства (он просто выдал доверенность П., предоставив ему максимально возможный объем полномочий по строительству и вводу в эксплуатацию недвижимого имущества), не участвовал в расходах, связанных со строительством (расходы нес П. совместно с Ч2). Незадолго до расторжения брака между П. и Ч2 земельный участок с возведенным на нем жилым домом Ч1 подарил своей дочери – Ч2. При этом между П. и Ч2 был заключен брачный договор, по условиям которого имущество, принадлежащее каждому из супругов до вступления в брак, а также любое иное имущество, полученное каждым из них в дар или в порядке наследования, либо поступившее в личную собственность одного из супругов по иным основаниям, в том числе на основании брачного договора, остается собственностью того, на чье имя было приобретено, даже если в период брака будут произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость такого имущества. Доводы Ч2 о том, что она является добросовестным приобретателем земельного участка с расположенным на нем жилым домом суд счел необоснованными и установил факт ничтожности договора дарения, заключенного между Ч1 и Ч2⁶].

Исследователи указывают, что супруги нередко прибегают и к иным хитростям для сокрытия части имущества от его возможного раздела на случай расторжения брака. Одним из таких методов является оформление банковского вклада на имя общего несовершеннолетнего ребенка. В ре-

⁶ Архив суда Минского района Минской области за 2025 г.

зультате после раздела имущества супругов, с которым остаются проживать дети, получает фактический контроль над денежными средствами и распоряжается ими по своему усмотрению, что не всегда связано исключительно с удовлетворением потребностей детей [25, с. 73]. Бывают и более изощренные схемы: вклад открывается на ребенка, которому вскоре исполняется восемнадцать лет, а затем он выдает доверенность одному из родителей на пользование вкладом, тем самым искусственно увеличивая долю этого родителя в общем имуществе супругов. «Наконец, – отмечает О. А. Сычева, – бывает и так, что общий ребенок проживает вместе с одним из родителей, а внесенным на его имя вкладом распоряжается другой родитель, внесший этот вклад тайно от родителя, с которым остались проживать дети» [25, с. 73]. (В противовес этому, например, установлены возможности признания имущества, нажитого каждым из супругов в период «фактического развода», принадлежащим им на праве личной собственности. Данная технология первоначально возникла как тенденция судебной практики, которая, по сути, противоречила смыслу действовавшего в тот период законодательства, но впоследствии им была воспринята как разумная и справедливая).

Несомненно, всему изложенному выше можно возразить, указав на возможность регулирования имущественных отношений между супругами путем заключения, например, брачного договора. Как будто «вооружив» супругов данным инструментом, законодатель, а вслед за ним и те, кто режим совместной собственности супругов считает «священной коровой», решили вопрос навсегда исчерпанным. Однако для совмещения лично-доверительного характера отношений, возникающих между супругами в браке с необходимостью одновременного вступления ими в договорные отношения, требуются, по справедливому замечанию А. Добровинского «...значительные изменения общественной психологии, которые, в свою очередь, требуют времени» [26, с. 108]. На современном этапе заключение брачного договора, в качестве альтернативы весьма несовершенному правовому регулированию имущественных отношений между супругами, является скорее исключением, нежели правилом^{7,8}. Согласимся с А. А. Добровинским в том, что «существование и дальнейшее развитие института брачного договора никак не может рассматриваться в качестве универсальной «палочки-выручалоч-

⁷ Для примера: в Республике Беларусь только около 7 % пар ежегодно заключают брачный договор.. Узнали, сколько брачных договоров заключают в Беларуси. URL: https://tochka.by/articles/life/uznali_skolko_brachnykh_dogovorov_zaklyuchayut_v_belarusi (дата обращения: 18.11.2025).

⁸ Кроме того, и современное регулирование брачного договора, по мнению исследователей, «не отвечает современным конституционно-правовым смыслом» и не соответствует началам семейного законодательства, поскольку «допущение применения противоположных режимов построения отношений собственности в браке (договорного и законного) не только не гарантирует, но даже может исключать охрану и защиту и интересов семьи, и интересов слабой стороны брака» [26 с. 45, 46].

ки», компенсирующей отсутствие адекватного нынешнему состоянию общества регулирования имущественных отношений в семье» [26, с. 108].

Таким образом, полагаем, что «критическая масса» недостатков правового регулирования имущественных отношений между супругами сегодня достигнута и правовое регулирование данных отношений требует совершенствования. Этому процессу должны предшествовать переосмысление той идеологической установки, которая унаследована современным брачно-семейным законодательством из советского периода⁹, а также переоценка роли имущественных отношений в семье и, как следствие, – осознание необходимости изменения подходов к их регулированию. Мы понимаем, что полный отказ от законного режима совместной собственности невозможен, но смещение акцентов в сторону приоритета частного интереса над общим вполне достижимо. Однако, коль скоро наличествует взаимодействие частных интересов двух субъектов, соединенных в устойчивый (иногда – относительно устойчивый) союз строго личного порядка, достижение соответствующего баланса – трудная работа для законодателя, правоприменителя и собственно супругов в каждом конкретном браке, столь же (или не менее) индивидуальном, сколь индивидуальны его стороны. Означенная работа осложняется (но и одухотворяется) также целеполаганием брака, необходимостью следования общим началам семейного законодательства, в которых заложены идеи о взаимопомощи, взаимной поддержке членов семьи, об их ответственности перед ней.

Ссылки

1. Черкашина Н. В., Лаврентьева Т. В. Общая совместная собственность // Право и государство: теория и практика. 2020. № 7. С. 65-71. EDN LJFSWW
2. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсисянца. М.: Инфра М-Норма, 1997. 704 с.
3. Свод законов Российской Империи: в 16 т. Т. X. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&empire=1&collection=0&volume=100013&pg=12&contentsname=%CE+%EF%F0%E0%E2%E0%F5+%ED%E0+%E8%EC%F3%F9%E5%F1%F2%E2%E0&sort=1> (дата обращения: 13.11.2025).
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 462 с.
5. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 831 с.

⁹ Немаловажным здесь является и переосмысление подходов к понятию брака. Сегодня проживание мужчины и женщины без зарегистрированного брака становится, скорее, нормой, нежели исключением из правила. Игнорирование со стороны законодателя подобного явления приводит к имущественной незащищенности участников подобных союзов, хотя сами эти союзы могут длиться годами и быть прочнее тех, которые легализованы штампом в паспорте. Теме защиты прав мужчины и женщины, проживающих вместе без регистрации брака, посвящены многочисленные работы российского ученого Н. Н. Тарусиной [27; 28; 29; 30; 31].

6. Тарусина Н. Н. Предпринимательство и благотворительность: этюды к социально-юридического портрету российской женщины (XIX-начало XX в.) // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2025. Т. 19, № 1. С. 70-83. DOI 10.18255/1996-5648-2025-1-70-83
7. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: принят ВЦИК 16.09.1918 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2902#PFMIM3VaCGUH3vwi>.
8. Бошко В. И. Очерки советского семейного права. Киев: Госполитиздат УССР, 1952. 372 с.
9. Рабинович Н. В. Личные и имущественные отношения в советской семье. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1952. 160 с.
10. Советское семейное право: учебник / А. М. Белякова [и др.]; под ред. В. А. Рясенцева. М.: Юрид. лит., 1982. 256 с.
11. Кандыба Ф. С. Проблемы правового режима имущественных отношений супругов в свете социологических исследований // Общество и право. 2013. № 3. С. 92-95. EDN RRVLTJ
12. Ершова Н. М. Имущественные отношения в семье. М.: Наука, 1979. 160 с.
13. Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. URL: http://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodeksy_26.
14. Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография; под ред. И. В. Ершовой, А. Н. Левушкина. М.: Проспект, 2019. 460 с.
15. Захарова С. Н. Совместная собственность супругов и собственность каждого супруга. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovmestnaya-sobstvennost-suprugov-i-sobstvennost-kazhdogo-supruga/viewer>.
16. Бурханова Л. Вопросы правоприменения института общей совместной собственности на примере общей совместной собственности супругов // Review of law sciences. 2020. № 61-69. С. 1-14.
17. Гражданское право: учебник / С. С. Алексеев, Б. М. Гонгалов, Д. В. Мурзин [и др.]; под общ. ред. С. С. Алексеева, С. А. Степанова. М.: Проспект, Екатеринбург: Институт частного права, 2023. 440 с.
18. Халецкая Т. М. Вещи профессиональных занятий супругов: проблемы и пути решения // Четвертые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной: сб. ст. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; под ред. М. Н. Шимкович [и др.]. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2022. С. 373-378. EDN CENEGR
19. Комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / Т. А. Белова [и др.]; под ред. В. Г. Тихини, В. Г. Голованова. Минск: Светоч, 2000. 304 с.
20. Халецкая Т. М. Доходы супругов как объект общей совместной собственности // Право. Экономика. Социальное партнерство: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию УО Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Минск, 26 марта 2020 г.: в 2 ч. / Междунар. ун-т «МИТСО»; редкол.: В. В. Лосев (гл. ред.) [и др.]. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2020. С. 656-658. EDN NVAOON

21. Халецкая Т. М. Доходы супругов как объект общей совместной собственности // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Международный электронный научный журнал. 2020: Специальный выпуск: XIV Междунар. науч.-практ. конф., 12-13 ноября 2020 г., Вольский военный институт материального обеспечения, г. Вольск. С. 160-165. EDN NVAOON
22. Пунько Т. Н. Правовая природа призов и вознаграждений в спорте через призму брачно-семейных правоотношений. URL: <https://docplayer.ru/28747854-Pravovaya-priroda-prizov-i-voznagrazhdeniy-v-sporte-cherez-prizmu-brachno-semeynyh-pravootnosheniy.html> (дата обращения: 18.11.2025).
23. Копыткова Н. В. Правовое регулирование имущественных отношений супругов: моногр. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. 155 с.
24. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. М.: Юристъ, 2001. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/lazar/index.php (дата обращения: 18.11.2025).
25. Сычева О. А. Проблемы охраны имущественных интересов несовершеннолетних детей в нормах о законном и договорном режиме имущества супругов // Ученые записки. 2010. № 4. С. 72-75. EDN MUXRPR
26. Добровинский А. А. Проблемы имущественных отношений в семейном праве Российской Федерации: теория, практика и реформа законодательства. М.: Эксмо, 2020. 208 с.
27. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 33-52. DOI 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052
28. Тарусина Н. Н. Право на семейную жизнь и отказ от него: несколько социально-юридических этюдов // Закон. 2025. № 11. С. 102-111. DOI 10.37239/0869-4400-2025-22-11-102-111
29. Тарусина Н. Н. О фактических семейных состояниях, или «сиротах» и «квазисиротах» цивилистики // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2025. Т. 19, № 2. С. 262-271. DOI 10.18255/1996-5648-2025-2-262-271
30. Тарусина Н. Н. Белорусское семейное законодательство, или есть пророк в ближнем зарубежье // Семейное право: современные проблемы теории и практики: материалы междунар. круглого стола, Минск, 16-17 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2020. С. 316-325. EDN TEVWWX
31. Тарусина Н. Н. Российская семья: несколько значимых штрихов к юридическому портрету // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2025. № 7. С. 43-50. DOI 10.17803/2311-5998.2025.131.7.043-050